

О том, что Цзянь Сэнь сбежал из дома, Янь Цун узнал практически сразу. И Сыцзя сама позвонила ему в панике, пытаясь выяснить, не знает ли он, куда запропастился его брат, и не говорил ли тот чего-нибудь накануне. Янь Цун, ничего не понимая, расспросил её о деталях, и тогда мать выложила всё как на духу, не скрывая масштаба бедствия. Речь шла не просто о семейных сбережениях — на кону стояло всё их будущее благополучие.

В глубине души Янь Цун даже восхитился такой дерзостью старшего брата. В прошлой жизни ничего подобного не случалось, так что никакой полезной информацией он не располагал. И всё же решил дать подсказку:

— Мам, а ты проверь подпольные игорные клубы или притоны, где в карты режутся. Брат ведь там вечно отирается.

И Сыцзя нахмурилась. Слова сына звучали здраво — кому, как не матери, знать, что из себя представляет её старший отпрыск? Но именно этого сценария она боялась больше всего. Карты означали одно: деньги улетят на ветер. А ведь речь шла не о жалкой паре тысяч! Пятнадцать тысяч юаней по тем временам считались целым состоянием, а Цзянь Сэнь умыкнул все сто пятьдесят тысяч — всё, что она собирала по крупичкам, отказывая себе во всём.

Цзянь Нань, конечно, тоже быстро узнал о случившемся. Его первой мыслью было заявить в полицию, но И Сыцзя встала на дыбы. Во-первых, она панически боялась людей в форме. Во-вторых, если Цзянь Сэнь действительно спустил эти деньги за игорным столом, закон покарает его со всей строгостью — за такие суммы парой суток ареста не отделаешься, упрячут за решётку на годы. И, наконец, в-третьих: её пока ещё законный супруг даже не подозревал, сколько у неё припрятано на чёрный день. Стоит связаться полицией — и вся правда выплывет наружу, а делиться при разводе И Сыцзя не собиралась. В общем, она упёрлась и ни в какую не соглашалась.

Однако её согласия никто спрашивать не собирался. Навестив семью Бай, Янь Цун пересёкся там с Чжао Циншэном и без колебаний рассказал ему обо всём.

Чжао Циншэн недовольно нахмурился:

— Да твои родители с ума посходили! Почему до сих пор не заявили? Если он снимал наличные, в банках работают камеры, можно легко отследить все транзакции и понять, где он залёг на дно. Подай они заявление сразу, паршивца бы уже взяли тёпленьким. Только время теряют!

Бай Цзиньчэн усмехнулся без лишней деликатности:

— Дядя Чжао, а как думаешь, почему они молчат?

Чжао Циншэн на секунду замешкался, а затем понимающе хмыкнул:

— Да уж, сами разбаловали донельзя! — Он перевёл взгляд на Янь Цуна. — Сяо Цун, ты-то сам за него переживаешь?

Янь Цун сделал паузу, тщательно подбирая слова:

— Даже не знаю... Мне кажется, брат просто разозлился из-за предстоящего развода родителей. Вот и утащил документы с паспортом, чтобы помешать им. Наверное, он просто не хочет, чтобы они расставались.

Бай Цзиньчэн не выдержал и легонько ткнул его пальцем в плечо:

— Ты что, совсем наивный? С его-то характером? Да ему просто приглянулись эти деньги!

— Ну... — Янь Цун мысленно согласился с другом, но вслух подыграл своей роли примерного брата: — Неужели он способен на такую подлость?

— Ещё как способен, — отрезал Бай Цзиньчэн.

Старейшина Бай сухо кашлянул, приструнив внука суровым взглядом.

— Как бы там ни было, мальчишку надо вернуть. Мал ещё совсем, да и выпускные экзамены на носу. Циншэн, съезди с Сяо Цуном к ним. В такой ситуации грех не помочь.

— Договорились, — кивнул Чжао Циншэн. — Пообедаем, и сразу выдвинемся.

Увидев на пороге Чжао Циншэна, И Сыцзя заметно вздрогнула. Взгляд её метнулся к Янь Цуну — она не знала, злиться ли на него за самоуправство или изобразить материнскую благодарность. Но дело было сделано, и пилить младшего сына не имело смысла. Залившись слезами, она принялась причитать, что не заявляла в полицию только из страха за старшего. Мол, пусть учится плохо, но родная же кровь, как она может собственноручно упечь его за решётку?

Чжао Циншэн со вздохом покачал головой:

— Матушка Сяо Цуна, зря вы так. Он же не организатор подпольного казино. В худшем случае отделается профилактической беседой и штрафом. Но вы подумайте о другом: парень на руках с огромной суммой денег и чужими документами. А если он нарвётся на грабителей? Ради такой добычи его и прирезать могут. В нашем мире полно отморозков, которые за копейку удавят, не говоря уже о ста пятидесяти тысячах. Собирайтесь, поедem в участок, оформим всё официально. Нужно срочно проверить банки и поднять записи с камер.

На этом споры закончились. И Сыцзя, утирая слёзы, понуро поплелась за полицейским. Янь

Цун же со спокойной душой отправился обратно к семье Янь. На кухне он застал Ван Цзиньмяо и вкратце обрисовал ей ситуацию.

Ван Цзиньмяо сокрушённо покачала головой:

— Всё ты правильно сделал, Сяо Цун. У твоей матери от страха совсем голова отключилась. О тюрьме она думает! Тут о жизни парня надо печься, пока его где-нибудь в подворотне не пристукнули за эти деньги.

— Да, я тоже так подумал, — вздохнул Янь Цун. — Только мама сильно расстроилась. Боюсь, теперь она на меня зуб точит.

Заметив, как поник мальчик, Ван Цзиньмяо ласково приобняла его за плечи:

— Глупенький, не бери в голову. Мы все на твоей стороне. Мать твоя просто запуталась, вот и упрямится. Остынет — сама поймёт, что ты её спас.

Янь Цзяань и Хэ Юйвэнь тоже полностью поддержали приёмного сына. Однако в душе главы семейства закрались глубокие подозрения. Почему И Сыцзя так упорно избегала полиции? Она ведь женщина неглупая и прекрасно понимала все риски. Что-то здесь явно не сходилось.

Янь Цун искусно разыгрывал беспокойство перед взрослыми, но на деле его жизнь текла своим чередом. Каждый день он прилежно тратил час на зимние домашние задания, а всё остальное время посвящал тренировкам, которые наметил для него приёмный отец. Отработка нарезки соломкой требовала колоссального усердия. Ему приходилось работать с самыми разными текстурами: твёрдыми, мягкими, волокнистыми, хрустящими. Сначала нужно было прочувствовать особенности каждого продукта и лишь затем браться за нож. Это была не просто монотонная работа, а комплексная тренировка, развивающая силу предплечий, гибкость кистей, глазомер и выносливость.

На кухне он проводил по полдня. Нарезанные им овощи и мясо шли на семейный стол, а излишки идеальной нарезки отправлялись на кухню ресторана. Некондиция же шла в дело без остатка — её пускали на фарш для многочисленных тефтелей и фрикаделек.

Незаметно подкрались новогодние праздники. Ранним утром в канун Нового года Янь Цзяань отвёз Янь Цуна обратно к Цзяням. Багажник машины ломился от заготовок: там были и полуфабрикаты фрикаделек, которые Сяо Цун налепил сам, и деликатесы, заботливо собранные его наставником. Пусть Цзянь Сэня так и не нашли, но праздник есть праздник, даже если встречать его придётся вдвоём с матерью.

Однако дома их ждал лишь запёртый замок. От соседей они узнали, что И Сыцзя не появлялась здесь уже три дня. Ходили слухи, будто она выследила беглого сына и сломя голову бросилась за ним.

Янь Цун лишь мысленно покачал головой от такой безалаберности. Янь Цзянь тоже недовольно нахмурился. На дворе канун праздника, неужели нельзя было хотя бы предупредить? Ладно он, посторонний человек, но как можно было бросить Янь Цуна в неведении? Тем более что мальчик звонил ей каждый день, и она ни словом не обмолвилась о своём отъезде!

— Мастер, давайте вернёмся, — тихо вздохнул Янь Цун.

— Сначала переложи продукты в холодильник, — скомандовал Янь Цзянь. — Позвони матери, узнай, собирается ли она вообще возвращаться сегодня. От её ответа и будем плясать.

Послушно кивнув, мальчик принялся наводить порядок на запущенной кухне. Открыв холодильник, он поморщился от затхлого запаха испорченной еды. Выбросив заветрившиеся объедки, Янь Цун споро протёр полки и избавился от амбре с помощью проверенных народных средств. Янь Цзянь молча наблюдал за ним. Он понимал, что у И Сыцзя сейчас тяжёлые времена — развод, побег старшего сына, не до уборки. Но то, с какой ловкостью и привычной сноровкой двенадцатилетний подросток отмывал холодильник, говорило о многом.

— Тебе и раньше приходилось этим заниматься? — глухо спросил наставник, хмурясь всё сильнее.

Конечно же нет! До того как сбросить маску любящей родительницы, И Сыцзя изо всех сил изображала идеальную мать: в доме всегда царил чистота, а обеды были вполне сносными. Этому трюку Янь Цун научился в прошлой жизни, когда изнывал от скуки под домашним арестом и часами болтал с прислугой. Но упускать шанс лишний раз выставить биологическую мать в невыгодном свете он не собирался.

— Не то чтобы часто, — смущённо пробормотал мальчик. — Просто как-то раз мама уехала разыскивать отца и оставила нам еды на несколько дней вперед. Брат дома почти не появлялся, я один всё съесть не успел, вот продукты и сгнили. Пришлось самому всё вычищать.

Ответ немного успокоил Янь Цзяня, но эгоизм Цзянь Сэня разозлил его ещё больше.

Когда Янь Цун наконец дозвонился до матери, та, судя по голосу, только в этот момент осознала, что наступил канун Нового года. Она была уже далеко за пределами Юйчэна и уверяла, что вот-вот выследит беглеца, поэтому бросить всё и вернуться никак не может.

— Сяо Цун, прости меня, глупую! Совсем голова кругом от этих поисков, даже про праздник забыла, — виновато затараторила И Сыцзя. — Я сейчас в другом городе, вернуться никак не успею. Проведи этот вечер у своего мастера, ладно? Как только во всём разберусь и приеду, сразу тебя заберу. Ты уж не обижайся!

Обижаться? Да Янь Цун готов был расцеловать её за такую новость! Но вслух он лишь вежливо спросил, не хочет ли она поговорить с его наставником. И Сыцзя испуганно отказалась,

сославшись на то, что напала на след Цзянь Сэня и ей некогда отвлекаться. Мол, все разговоры потом.

Янь Цун с облегчением повесил трубку и повернулся к Янь Цзяню:

— Мастер, мама передала, что сейчас напала на след брата и не может говорить. Сказала, пообщается с вами, когда вернётся.

Янь Цзянь мысленно вздохнул. Поднявшись, он тщательно проверил воду, газ и электричество во всей квартире, после чего запер дверь, увёл Янь Цуна к машине, и они поехали за город.

По давней традиции семья Янь встречала Новый год в загородном поместье старейшины Янь Шоуго. Они оставались там вплоть до Праздника фонарей, пятнадцатого дня первого лунного месяца. Этот год не стал исключением, разве что гостей прибавилось.

При виде Янь Цуна лицо Янь Сяна мгновенно перекосило от злости. Однако выдавить из себя хоть слово он не посмел. Мало того что он с треском провалил экзамены, так ещё и в приступе ярости расколотил чаны с дедушкиными соленьями, за что едва не получил от старого мастера такую взбучку, что искры из глаз посыпались. Теперь спеси у него поубавилось. Всё, на что его хватало, — это делать вид, будто Янь Цун не существует.

Янь Цун тоже не обратил на него никакого внимания. Выслушав расспросы и охи-вздохи приёмных родителей, он повернулся к дедушке Янь Шоуго, на чьём лице читалось неподдельное сочувствие:

— Дедушка, не переживайте так, со мной всё хорошо. Да, в этом году не получилось встретить праздник со своей семьёй, но ведь вы, мастер и тётушка Янь — тоже моя семья. Быть здесь с вами — огромное счастье.

Янь Шоуго тяжело вздохнул и ласково потрепал мальчика по голове:

— Славный ребёнок. У каждого свои невзгоды, но ты не должен взваливать чужие ошибки на свои плечи. Учись, трудись, строй своё будущее. Наступит день, и ты сам станешь хозяином своей судьбы и будешь жить так, как велит сердце.

— Вы совершенно правы! — Янь Цун просиял. — Раз так, позвольте мне сегодня приготовить для вас, мастера и тётушки пару закусок. А вы оцените моё мастерство, идёт?

Старейшина рассмеялся:

— Идёт, конечно! Но уговор: поблажек делать не стану. Если выйдет невкусно, раскритикую безжалостно, невзирая на праздник. И даже выпишу шуточный штраф!

Янь Цун задорно выпрямил спину:

— Договорились! Я в последнее время столько тренировался в нарезке, что придумал отличные начинки для весенних рулетов! Всё, я побежал на кухню!

Глядя вслед убегающему мальчику, Янь Шоуго сокрушённо вздохнул:

— Слишком глубоко он всё в себе держит. Чтобы не расстраивать нас своей грустью, нарочно вызвался готовить и сбежал на кухню.

Янь Цзяань мягко улыбнулся:

— Отец, почему ты думаешь, что он притворяется? Он ведь и правда горит кулинарией и невероятно дорожит твоим мнением.

Старик недовольно зыркнул на сына:

— Много ты понимаешь! Такие чуткие дети умеют прятать свои раны глубже остальных. Не думайте, будто он ничего не замечает и не чувствует. Он просто не хочет ставить нас в неловкое положение, вот и держит лицо. За праздничным столом — ни слова о его родне. Нечего бередить раны ребёнку.

Хэ Юйвэнь молча кивнула, но слова старейшины отозвались в её сердце глухой тревогой. Если Сяо Цун действительно видит насквозь все капризы и козни Янь Сяна, но молчит лишь из уважения к ним... сколько же горечи он копит в душе? При мысли об этом к горлу подступил комок. Хэ Юйвэнь живо представила, как приёмный сын сейчас прячет слёзы за кухонной плитой. Попытаться утешить его сейчас — лишь ранить сильнее. Набрав воздуха в грудь, она решительно развернулась и пошла искать собственного непутёвого сына. Ей нужно было раз и навсегда вбить в дурную голову Янь Сяна: если он посмеет устроить очередную пакость, даже родная мать не станет его защищать.

<http://bllate.org/book/20137/2214968>